

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК316.42:35

ВЛАСТЬ И РЕГИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО: ВОЗМОЖНОСТЬ КОНСТРУКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИОННОЙ МОДЕЛИ AUTHORITY AND REGIONAL COMMUNITY: POSSIBILITY OF CONSTRUCTIVE COMMUNICATION MODEL

В.П. Бабинцев
V.P. Babintsev

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы,

Belgorod State National Research University, 85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: babintsev@bsu.edu.ru

Аннотация

Рассматривается проблема налаживания конструктивных коммуникаций между кластером власти и региональным сообществом. Обосновывается возможность построения новой системы коммуникаций, однако подчеркивается, что она будет возможной лишь при условии, если участники взаимодействия будут соблюдать комплекс принципов. К их числу относятся реализм; взаимное уважение и ответственность; системность; стратегическое видение; консенсусный язык общения; ресурсная обеспеченность; учет и минимизация возможного сопротивления нововведениям, как следствие осознания последствий предпринимаемых изменений; воздействие на причины, а не на следствия; рефлексивность.

Abstract

The problem of establishing constructive communications between a authority's cluster and regional community is considered. The possibility of a creation of new communications' system is proved, however it is emphasized that it will be possible only if participants of communication observe a complex of the principles. They are included: realism; mutual respect and responsibility; systemacity; strategic vision; consensus language of communication; resource ensuring; accounting and minimization of possible resistance to innovations as a result of awareness of consequences of ongoing changes; impact on the reasons, but not on the investigations; reflexivity.

Ключевые слова: власть, государственное и муниципальное управление, региональное сообщество, гражданское общество.

Keywords: authority, public and municipal administration, regional community, civil society,

Одной из наиболее острых проблем функционирования системы управления в субъектах Российской Федерации, как и в стране в целом, является выстраивание коммуникаций между властью и обществом. Несмотря на то, что в каждом из восьмидесяти пяти субъектов РФ конфигурация этих коммуникаций приобретает свою специфику, взаимоотношения контрагентов имеют некоторые общие черты.

Власть в регионах составляет особый институциональный кластер, то есть объединение нескольких элементов (государственные органы, органы местного самоуправления, филиалы политических партий и некоторых общественных объединений, религиозные

структуры), реализующих, несмотря на наличие формального разнообразия, общую стратегию, представляющих собой самостоятельную единицу социальной реальности, обладающую специфическим набором свойств.

Институционализация властных отношений обеспечивается их жесткой нормативной регламентацией (согласно Д. Норт, институты – это «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» [Норт, 1997, с. 17]).

Фактически, для региональной власти характерны все те признаки, которые сторонники кластерного подхода считают обязательными для кластера, хотя и применяют их обычно к субъектам экономической деятельности. Среди них:

- локализация основной массы участников кластера, являющаяся необходимой для установления прямых продолжительных связей;

- устойчивость связей между элементами кластера;

- долговременная координация взаимодействия участников кластера;

- сохранение автономности участников кластера, конкурентных отношений;

- широкий спектр участников [Шаповал, 2011, с. 50].

Властный кластер в регионах, да и в стране в целом, в значительной степени автономен по отношению к обществу. Т. Заславская в свое время вполне обоснованно констатировала, что для российской реальности характерно «углубление взаимного отчуждения власти и общества, проявляющегося, с одной стороны, в равнодушии власти к бедам народа, а с другой – в тотальном недоверии народа к представителям и институтам власти» [Заславская, 2004, с. 295]. Ситуация мало изменилась сегодня, и примечательно, что специалисты Института социологии РАН фиксируют наличие в стране институционального кризиса [Российское общество и вызовы времени, 2015, с. 112].

В свою очередь, региональное сообщество, потенциально включающее в себя все население субъекта РФ, в таком виде не выступает самостоятельным коммуникантом. Оно не способно четко артикулировать свои (региональные) интересы и, тем более, агрегировать их, поскольку глубоко дифференцировано и пассивно в общественно-политическом отношении. По данным исследований ФОМ, «более 90% россиян не проявляли в последние два года никакой политической или гражданской активности. 95% опрошенных не состояли в партиях и не собирали подписи в поддержку какого-либо политика, 94% - не агитировали за или против какой-нибудь законодательной инициативы, 91% - не были ни наблюдателями на выборах, ни добровольцами или волонтерами, не участвовали ни в деятельности НКО, ни в каких-либо массовых акциях. Исключения из этого правила - решение общественных проблем по месту жительства (этим занимались 27%) и помощь незнакомым людям (72%)» [Социологи ФОМа...].

На фоне социальной пассивности большинства граждан становится сомнительным возможность применения к региональной реальности определения «гражданское общество», как характеристики общества, независимого от государства и оппонирующего государству и одновременно выступающего его партнером. Вместе с тем, «гражданское общество» в регионах все же существует, что отмечают многие исследователи. Но, если в рамках западной европейской традиции оно было результатом саморазвития, в России гражданское общество формируется государством. Так, Н.С. Гегедюш пишет: «В настоящее время органы власти субъектов Российской Федерации все чаще заявляют о реализации такого направления политики, как содействие развитию гражданского общества» [Гегедюш, 2014, с. 31]. Но государственное строительство гражданского общества ведет к тому, что оно утверждается в урезанном, фрагментарном виде. Фактически, гражданское общество в абсолютном большинстве российских регионов представляет собой конфигурированный государственными и муниципальными структурами сектор общественной жизни, в рамках которого иницируется общественная активность как в реальных, так и в имитационных формах и который в большинстве случаев не может существовать без государственной и муниципальной поддержки.

Однако общая логика развития общественных процессов ведет к тому, что идеи гражданской активности, гражданского участия и гражданской культуры все более трансформируются из своего рода модного тренда, якобы символизирующего нашу причастность к цивилизации, в объективную потребность, связанную с необходимостью легитимации политического истеблишмента, консолидации общества [Иванов Д., 2012, с. 59].

В сущности, от качества их практического воплощения в значительной, если не в решающей степени, зависит воспроизводство и выживание регионов в нестабильной социальной среде. Именно поэтому в субъектах РФ, зачастую вне зависимости от желания административной элиты, формируются модели и проекты налаживания взаимодействия с региональным сообществом, по меньшей мере, хотя бы в виде его «гражданского фрагмента», что субъектам власти, очевидно, представляется наиболее простым решением. Концепции содействия развитию гражданского общества приняты, в частности, в Вологодской области, в Удмуртии [Гегедюш, 2014, с. 31]. В Белгородской области эта идея реализуется в рамках Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011 – 2025 годы».

Более или менее отчетливо в этих попытках выражается идея о том, что модель коммуникаций между властью и региональным сообществом должна быть продуктивной. То есть, способной обеспечивать не просто выживание социума (хотя даже это в современных условиях существенно), но его расширенное воспроизводство. Обобщая накопленный опыт, можно утверждать, что теоретически возможная, продуктивная, а не имитационная модель коммуникаций власти и регионального сообщества может быть осуществлена только при соблюдении комплекса принципов, которых должны придерживаться взаимодействующие стороны. Лишь в этом случае она становится возможностью, а не очередным симулякром.

Принципы в данном случае выступают в качестве оснований или правил поведения (взаимодействия). Их формулировка не является произвольной и определяется с учетом нескольких обстоятельств. К ним относятся:

во-первых, функциональная роль модели. Продуктивная модель коммуникаций власти и регионального сообщества нацелена на то, чтобы обеспечить взаимопонимание, доверие и конструктивное взаимодействие власти и регионального сообщества. Следовательно, значение приобретают правила, которые способствуют достижению этой цели;

во-вторых, специфика ситуации. Любые принципы поведения участников взаимодействия могут формулироваться лишь с учетом того, в какой мере они выполнимы сторонами. Бессмысленно ожидать, что коммуниканты (с одной стороны, представители власти; с другой, граждане) будут соблюдать правила, противоречащие условиям их жизнедеятельности. Здесь возникает крайне сложная проблема, связанная с соотношением сформулированных принципов и внешних обстоятельств. Принцип – это своего рода идеальное требование, и вполне естественно, что он по своему содержанию не совпадает с условиями повседневной жизни, а часто и противоречит им. Наличие противоречия, особенно, если принцип поведения настойчиво декларируется, нередко порождает у субъектов социального действия когнитивный диссонанс, выражающийся в рассогласованности представлений (с одной стороны, «как надо», с другой, «как есть»). Как правило, разрешение когнитивного диссонанса у большинства людей происходит не в пользу принципа, но в пользу повседневных реалий. Следовательно, провозглашая желаемые принципы поведения, надо одновременно устранять (или, по меньшей мере, минимизировать) те социальные факторы, которые мешают их реализации;

в-третьих, диспозиции участников. Не менее абсурдно предлагать сторонам взаимодействия правила, которые противоречат тем предрасположенностям к действиям, которые уже сформированы в их сознании, то есть, тому, что П. Бурдье называл габитусами, определяя этим понятием «системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т.е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления, кото-

рые могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на нее и неременное овладение необходимыми операциями по ее достижению» [Бурдые, 2001, с. 102].

В основе предрасположенностей к определенному типу действий, как у представителей власти, так и у граждан лежат серьезные причины. Эти причины ни в коей мере не могут (что нередко имеет мест) сводиться к упрощенным интерпретациям («злая воля», лень, невежество и т.п.), и связаны со спецификой потребностей, интересов, ценностно-смысловых комплексов, архетипов, менталитета и т.п. Устранить барьеры невозможно «одномоментно», тем более, не затрачивая значительных социальных ресурсов.

Таким образом, следует учитывать, что ни одно из предлагаемых правил не будет легко и бесппроблемно усвоено участниками взаимодействия, будь то представители власти, или регионального сообщества. При этом, и в той, и в другой среде будут действовать факторы, препятствующие их утверждению.

В структурах власти эти факторы определяются особенностями бюрократического мышления. К ним относятся:

- *установка на упрощение (примитивизацию) социальных явлений и процессов*, стимулирующая контрастное восприятие реальности, без учета многообразия возможностей ее развития (социальной полифонии). Такая установка мешает усвоению новых стандартов поведения, особенно если они связаны с пересмотром складывавшихся годами практик взаимоотношений с «простыми людьми», несмотря на то, что их постоянная ревизия необходима для конструктивного взаимодействия;

- *деформированный корпоративизм*, выражающийся в утверждении в государственных и муниципальных структурах «нездоровой» корпоративной культуры, признаками которой является принятие решений на основе личных взаимоотношений; враждебность к организационным изменениям; назначение менеджеров, ориентирующихся на текущие проблемы, но не на перспективу; нежелание использовать чужой опыт, существование «синдрома превосходства» [Овчинников, 2004, с. 68 - 69]. Маркером деформированного корпоративизма выступает группомыслие, представляющее собой состояние массового внутригруппового конформизма, обычно усиливающегося по мере сплочения коллектива при одновременном подавлении рефлексии и критики. Деформированный бюрократический корпоративизм искажает систему коммуникаций между группами, поскольку не предполагает элементарного уважения к позиции контрагента – представителя иной (менее успешной корпорации);

- *адхократическое (от ad hoc – по случаю) отношение к объектам управления и социальным проблемам*. Руководствуясь таким отношением, чиновники мало заботятся о будущем социальных систем (если оно не связано с их личной карьерой), а потому не испытывают потребности выстраивать коммуникации с населением с учетом стратегической перспективы. Адхократическое отношение к реальности становится нормой в ситуации, когда государственный или муниципальный служащий не может прогнозировать собственное будущее, рассматривает свое положение как временное;

- *преувеличенная символическая демаркация*, выражающаяся в наделении повышенной ценностью социальных статусов, их строгом разграничении, в перенесении статусных ценностей на личности. Бюрократическая демаркация разграничивает «своих» (тех, кто непосредственно включен в административно-управленческий процесс, или в какой-либо форме причастен к нему) и «чужих», находящихся «по ту сторону» аппарата управления, являющихся объектом его воздействия. Коммуникации с «чужими», как правило, недооцениваются, и поэтому считается излишним затрачивать усилия на их оптимизацию. В некоторых случаях преувеличенная символическая демаркация осуществляется и внутри аппарата управления, выступая средством борьбы кланов;

- *идеализация и универсализация практики административного контроля*. Убежденность в исключительно широких возможностях контролирующих практик - типичная черта мышления представителей бюрократической системы. При этом контроль обычно

воспринимается чиновниками как формальный акт, осуществляемый официально уполномоченными на это структурами и должностными лицами. Необходимость и возможность неформального контролирующего воздействия, реализуемого общественными формированиями и отдельными гражданами, обычно декларируется, но далеко не всегда подерживается на практике. Более того, государственные и муниципальные чиновники часто создают сложную систему барьеров, препятствующих повышению уровня открытости их деятельности и доступности для внешней оценки. Показательно, в частности, что административный аппарат не поощряет проведение в его среде социологических исследований, проводимых независимыми от него центрами.

В региональном сообществе действуют иные факторы, препятствующие утверждению принципов построения продуктивной модели коммуникаций. В их числе:

- *утрата ощущения социальной справедливости*, которая всегда была одной из базисных ценностей российской (в основе своей русской православно-христианской) культуры и в значительной мере остается ею. Так, социологическое исследование «Оценка эффективности реализации стратегии «Формирование регионального солидарного общества», проведенное кафедрой социальных технологий НИУ «БелГУ» в 2015 году в Белгородской области (n = 1000, статистическая погрешность 2%), показало, что лишь справедливость является ценностью, значимой для относительного большинства респондентов (44%). Все остальные ценности (духовность, общественная мораль, законность, служение Отечеству, патриотизм, культура общения, безопасность, благосостояние, открытость власти, солидарность, толерантность) не получили поддержки более 22% белгородцев. В специфических социокультурных условиях России справедливость всегда было основанием для консолидации общества и мотивом для отклика на мобилизационные идеи, которой, в сущности, и является идея выстраивания доверительных коммуникаций граждан и власти. Напротив, дефицит справедливости инициирует дефицит доверия;

- *нарастание иррационализма в массовом сознании*, заключающееся в отказе от строгого понятийного мышления, неспособности к логическим операциям, подчинении поведения эмоциям и аффектам, культивировании предрассудков и предубеждений. В этих условиях терминальные ценности, отражающие смыслы, ради которых стоит жить, в лучшем случае подменяются инструментальными ценностями, то есть гипертрофированной значимостью средств достижения целей. На этом фоне любая попытка апеллировать к неким безусловным принципам и нормам (к совести людей) не встречает понимания;

- *низкий уровень доверия к власти и, что особенно важно, к выдвигаемым ею инициативам*. Даже те из них, которые, казалось бы, однозначно полезны для общества и отдельных граждан при высоком уровне институционального недоверия воспринимаются как очередные имитации, то есть действия, в ходе которых реальные значения и смыслы замещаются и подменяются формальным воспроизведением операций и процедур, сопровождаемым их демонстрацией, декларацией и декорацией.

Представление о наличии факторов (барьеров), способных блокировать утверждение принципов, на которых базируется продуктивная модель коммуникаций между властью и населением, дает основание считать задачу ее институционализации в высшей степени сложной и неоднозначной по результатам. Тем не менее, если взаимодействующие стороны не будут выстраивать свои взаимоотношения на их основе, сложно говорить о налаживании эффективного сотрудничества.

В первом приближении продуктивная модель коммуникаций базируется на следующих принципах.

1. *Реализм*. Он заключается в объективной оценке ситуации и отказе от иллюзорных (фантомных) образований, утвердившихся в сознании, как представителей власти, так и регионального сообщества. При этом наиболее типичными иллюзиями чиновничьего (бюрократического) сознания являются: а) «иллюзия собственного статуса» (преувеличение собственной значимости и возможностей влияния; убеждение в изначальном благородстве служебной миссии); б) «иллюзия объекта» (заниженные оценки творческого по-

тенциала «массы»); в) «иллюзия всемогущества административных технологий», в основе которой лежит убеждение, что технологии управления, которыми в настоящее время владеет (или может овладеть) чиновник потенциально способны разрешать любые проблемы при минимальных затратах средств; г) «иллюзии корпорации» (деформированные представления о взаимоотношениях внутри чиновничьей корпорации, о причинах и механизмах служебной карьеры, о мотивах действий руководства). Иллюзии (фантомы) массового сознания включают в себя: а) «иллюзию обреченности» (выражается в представлениях о предрешенности развития событий и процессов и невозможности что либо изменить); б) «иллюзию тотальной порочности» (наиболее типично утверждение о всеобщей коррумпированности государственных и муниципальных служащих); в) «иллюзию героя», связанную с надеждой на появление «правильного» руководителя (вождя), способного разрешить жизненные проблемы «простых граждан»; г) «иллюзию обманутого царя» (представление о том, что «первое лицо» в структурах власти часто бывает введено в заблуждение относительно реального положения дел в обществе).

Проблема заключается в том, что любая из иллюзий, любой фантом массового и элитарного сознания имеет под собой реальные основания, Это делает его чрезвычайно живучим, а отказ от иллюзий невыносимым без устранения причин их породивших.

2. Взаимное уважение и ответственность. Участники коммуникаций не должны рассматривать себя и свои интересы как единственно правильные, не должны стремиться извлечь односторонние преимущества и выгоду из своего статуса. Реализация этого принципа представляется едва ли не наиболее сложной задачей в ряду задач, связанных с налаживанием коммуникаций между властью и региональным сообществом, поскольку одной из ведущих тенденций развития массового сознания является гипертрофированная индивидуализация. Исследования Центра Левада-Центра подтверждают, что «в современных социально-культурных условиях суммарно больше половины россиян (54%) склоняются в сторону индивидуалистических ценностей. Это, как правило, люди, максимально открытые новому и выступающие за развитие. Одновременно с этим у них ценности эгоистические явно преобладают над альтруистическими и коллективными» [Ценности россиян..., 2017].

С одной стороны, индивидуализацию сознания и поведения следует рассматривать как вполне естественный процесс, в значительной степени определяющийся реакцией на длительное и во многих случаях неоправданное манипулирование людьми с помощью коллективистских и квазиколлективистских ценностей. Но в тех случаях, когда индивидуалистические ценности становятся единственно значимыми, а их носители даже не пытаются согласовывать свои интересы с окружающими, считаться с ними, поведение людей утрачивает качество социальности, одной из необходимых атрибутов которого является, согласно М. Веберу, учет реакции других [Вебер, 1990, с. 626].

Крайне негативные следствия гипертрофированная индивидуализация имеет для государственных и муниципальных служащих, поскольку разрушает сущностную идею их профессиональной деятельности – идею служения обществу, подменяя ее идеей служения руководству и чиновничьей корпорации, самому себе. Показательны в данной связи результаты исследования аспирантки кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета А.В. Роговой «Социологическая диагностика краудсорсингового потенциала регионального управления» (2015 год, n = 500 государственных и муниципальных служащих Белгородской области). В ходе опроса только 37% респондентов указали, что представляют «интересы населения». Вместе с тем, 23% служащих – «интересы руководства», 18% – «интересы государства», 5% – «собственные интересы». Следует заметить, что интересы государства нередко рассматриваются чиновниками как интересы государственного аппарата.

3. Системность - коммуникации между властью и региональным сообществом не могут осуществляться в расчете только на ситуацию, не должны сводиться к отдельным эпизодам, но предполагают постоянные взаимодействия с расчетом на перспективу.

Коммуникативным практикам должен быть придан атрибут целостности, которая обеспечивается:

- наличием системообразующего фактора, в качестве которого способна выступить идея консолидации регионального сообщества как условия его социального воспроизводства и конкурентоспособности в нестабильной среде;

- прочными связями между всеми элементами коммуникативной системы, которую следует выстраивать не на основе субъективных представлений руководителей или отдельных работников, но на базе научной теории коммуникаций;

- разработкой и внедрением критериев оценки результативности коммуникативных взаимодействий. При этом крайне важно, чтобы критерии позволяли оценить реальное состояние дел, а не формальную сторону коммуникаций.

В настоящее время государственный или муниципальный чиновник, как уже отмечалось, обычно ориентирован не на перспективу, но на ситуацию, поскольку от степени разрешения ситуативных проблем зависит оценка их деятельности. Безусловно, адхократическое отношение к реальности присуще представителям различных социальных и профессиональных групп. Но только в бюрократической среде оно становится нормой и легитимизируется, а попытка думать о будущем – отклонением. В свою очередь, для основной массы населения, не менее чем для государственных и муниципальных служащих, становится все более типичным ситуативное мышление, особенностями которого являются: относительность норм, ориентация не на правила, а на обстоятельства, стремление получить выгоду «здесь и сейчас» и любой ценой.

Системный подход к коммуникациям с неизбежностью предопределяет *комплексность* коммуникативных практик, требующую реализации их одновременно в различных сферах и использования многообразных каналов. Среди этих каналов все более значимую роль играют социальные сети, в пространство которых перемещается взаимодействие граждан и власти. Однако это пространство включает в себе не только широкие возможности, но и значительные угрозы, связанные, в частности, с манипулированием сознанием участников.

4. *Стратегическое видение*, заключающееся в том, что не следует ориентироваться на незамедлительный результат; нужно ставить и достигать долгосрочные цели. Стратегическое видение логически вытекает из идеи системного подхода и предполагает организацию коммуникативного процесса как форсайт-проекта, то есть проекта, моделирующего образ будущих коммуникаций в сравнительно отдаленной перспективе. Этот образ должен быть понятен как для руководителей, государственных и муниципальных служащих, с одной стороны, так и для регионального сообщества, с другой. Только в таком случае он способен сыграть роль фактора мобилизации людей к гражданскому участию.

5. *Консенсусный язык общения*. Коммуникации между институтами государственной и муниципальной власти и региональным сообществом нередко осложняются в силу семантического барьера, связанного с использованием неадекватных терминов и лексических конструкций, которые:

а) непонятны другим участникам и не воспринимаются ими; чаще всего это иностранные термины (аутсорсинг, краудсорсинг, стартап, тайм-менеджмент и др.), «бюрократизмы» («осуществить разработку», но не «разработать»);

б) имеют изначальную негативную эмоциональную окраску, вплоть до навешивания уничижительных для контрагентов ярлыков («работяги», «журналоги», «чинодралы» и др.);

в) характеризуются неоднозначным истолкованием с учетом субкультурных традиций различных групп («господин», «товарищ»);

Конструктивная коммуникация должна учитывать семантические нюансы и строиться на использовании понятий и формулировок, ориентированных на достижение общих смыслов. Следовательно, всегда должен учитываться не только текст сообщений, которыми обмениваются коммуниканты, но контекст и подтекст. Но адекватно учесть и

правильно использовать эти аспекты могут лишь эксперты-профессионалы, к которым не следует бояться обращаться.

6. Ресурсная обеспеченность. Выстраивание системы коммуникаций между властью и региональным сообществом не может осуществляться лишь за счет энтузиазма участников. Оно требует значительных ресурсных затрат. При этом ошибочным следует считать представление, согласно которому, налаживание коммуникаций требует лишь материальных (прежде всего, финансовых ресурсов). Во-первых, качество коммуникаций далеко не всегда зависит от объема вложенных в них средств; во-вторых, в современной ситуации, характеризующейся нарастанием социальных проблем, трудно ожидать существенного увеличения финансирования проектов в коммуникативной сфере. Решение многих вопросов связано с актуализацией иных видов ресурсов, в какой-то мере компенсирующих дефицит материальных вложений. В первую очередь это:

- организационные ресурсы. Органам государственного и муниципального управления необходима реорганизация служб по связям с общественностью, заключающаяся в переносе акцентов в их деятельности с распространения информации и продвижения имиджа власти на формирование разнообразных каналов для выражения мнения многочисленных групп интересов, а в ряде случаев – содействие институционализации этих групп;

- кадровые ресурсы. Организационная перестройка может быть успешной лишь при наличии специалистов, профессионально компетентных в сфере коммуникологии и коммуникативного инжиниринга;

- информационные ресурсы. Обеспечение эффективной коммуникации между властью и обществом предполагает обретение нового качества информации за счет достижения ее объективности и отказа от практики отношений фальсеоинтеракций, представляющих собой особую форму социального взаимодействия, «в основе которого лежит осознанность фальши (лжи, обмана) и добровольное принятие этой лжи за истину обеими сторонами коммуникации» [Каширина, 2014, с. 76].

7. Учет и минимизация возможного сопротивления нововведениям, как следствие осознания последствий предпринимаемых изменений. Реальное, а не имитационное, преобразование коммуникативных практик в системе «власть - региональное сообщество» затронет интересы многих участников, которые сознательно или неосознанно будут стремиться либо не допустить перемен, либо свести их к чисто декоративным мерам. Поэтому, приступая к внедрению новой модели коммуникаций, важно ясно представлять мотивацию ее потенциальных противников.

В среде государственных и муниципальных служащих она будет определяться:

- профессиональной неготовностью к работе в условиях максимальной открытости;
- отсутствием навыков использования современных коммуникативных технологий;
- специфическими особенностями бюрократического восприятия коммуникаций (комплекс непогрешимости административного источника информации; социальная агографобия – страх перед участием в публичных акциях);
- включенностью в коррупционные практики, требующие использования «теневых» схем.

Мотивация сопротивления значительной части представителей регионального общества, скорее всего, будет обусловлена:

- недоверием к властным инициативам, поскольку во многих случаях прежде они не были реализованы, по меньшей мере, в том виде, в каком провозглашались;
- доминированием патернализма и социальной апатии;
- консерватизмом, в той или иной мере присущим большинству людей.

8. Воздействие на причины, а не на следствия, как условие минимизации негативных явлений. Совершенствуя систему коммуникаций между властью и региональным сообществом, важно представлять, что сложившиеся коммуникативные практики имеют глубокие основания в социально-экономической и административно-политической системе России. Разорванность и неэффективность коммуникаций – во многих отношениях

следствие процесса социальной дизъюнкции, как «расстройства, рассогласования и распада интеграционных средств, сопровождающийся ослаблением консолидационных потоков и проблематизацией основной цели интеграции – социального воспроизводства общества» [Кармадонов, 2015, с. 11]. Именно поэтому система коммуникаций в региональном пространстве будет работать эффективно, если удастся приостановить процессы распада, стимулировав тенденцию консолидации, укрепляя доверие и согласие. В этой связи представляется потенциально важной реализация программ и проектов, направленных на укрепление солидарности в региональном пространстве, несмотря на то, что опыт показывает крайнюю сложность их разработки и продвижения. Особенно в тех случаях, когда такие программы разрабатываются только для улучшения имиджа власти.

9. Рефлексивность. Как уже отмечалось, разработка и внедрение модели коммуникаций власти и регионального сообщества должна сопровождаться постоянной критической оценкой участниками собственных действий. Главной опасностью в данной связи являются имитация и фальсификация результатов, ведущие к компрометации самой идеи и – как следствие – к усилению взаимного разочарования коммуникантов друг в друге. Системная рефлексия тем более нужна, что в современном мире утверждается особая рефлексивная культура, поскольку потребность в рефлексивности становится универсальной и, как отмечает С.А. Кравченко, ссылаясь на М.С. Арчер, впервые в человеческой истории рефлексивный императив распространяется на принципиально новые реалии: жизненно важные структуры обретают транснациональное расположение, а культурная система расширяет рефлексивные возможности, посредством перехода от разнообразия до стимулирования еще большего разнообразия [Кравченко, 2008, с. 4 - 9]. Именно поэтому крайне важно формировать навыки рефлексивного отношения к реальности и у населения, и у государственных и муниципальных служащих.

Разумеется, одно лишь соблюдение определенных правил автоматически не приведет к выстраиванию конструктивных коммуникаций. Для этого необходима долгая и весьма трудная совместная работа представителей власти и наиболее активных членов регионального сообщества. Однако только взаимная «игра по правилам» создаст возможности для диалога и консолидации.

Список литературы References

1. Бурдые П. 2001. Практический смысл. СПб.: Алетей. 576 с.
Burd'e P. 2001. Prakticheskij smysl. SPb.: Aletej. 576 s.
2. Вебер М. 1990. Избранные произведения. М.: Прогресс, 804 с.
Veber M. 1990. Izbrannye proizvedeniya. M.: Progress, 804 s.
3. Гегедюш Н. 2014. Подходы к развитию институтов гражданского общества: анализ региональных практик // Власть. № 5. С. 28 – 32.
Gegedyush N. 2014. Podhody k razvitiyu institutov grazhdanskogo obshchestva: analiz regional'nyh praktik // Vlast'. № 5. S. 28 – 32.
4. Заславская Современное российское общество: социальный механизм трансформации: учебное пособие. М.: Дело. 400 с.
Zaslavskaya Sovremennoe rossijskoe obshchestvo: social'nyj mekhanizm transformacii: uchebnoe posobie. M.: Delo. 400 s.
5. Норт Д. 1997. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд эконом. кн. «Начала». 180 с.
Nort D. 1997. Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ehkonomiki. M.: Fond ehkonom. kn. «Nachala». 180 s.
6. Иванов Д. 2012. Социально-политические аспекты взаимосвязи развития политической коммуникации и формирования гражданской культуры общества // Власть. № 5. С. 57 – 59.
Ivanov D. 2012. Social'no-politicheskie aspekty vzaimosvyazi razvitiya politicheskoy kommunikacii i formirovaniya grazhdanskoy kul'tury obshchestva // Vlast'. № 5. S. 57 – 59.

7. Каширина М.В. 2014. Современный российский вуз как сфера генезиса фальсеоинтеракций // Социология образования. № 10. С. 76 - 86.
Kashirina M.V. 2014. Sovremennyj rossijskij vuz kak sfera genезisa fal'seointerakcij // Sociologiya obrazovaniya. № 10. S. 76 - 86.
8. Кармадонов О. А. 2015. Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социологические исследования. № 2. С. 3 - 12.
Karmadonov O. A. 2015. Solidarnost', integraciya, kon'yunkciya // Sociologicheskie issledovaniya. № 2. S. 3 - 12.
9. Кравченко С.А. 2008. К итогам VII конференции Европейской социологической ассоциации: тематические, теоретические и методологические новации // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 4-9.
Kravchenko S.A. 2008. K itogam VII konferencii Evropejskoj sociologicheskoj associacii: tematicheskie, teoreticheskie i metodologicheskie novacii // Sociologicheskie issledovaniya. 2008. № 2. S. 4 - 9.
10. Овчинников М.А. 2004. Корпоративная культура в системе социального управления: Диссертация ... канд. соц. наук. М. 116 с.
Ovchinnikov M.A. 2004. Korporativnaya kul'tura v sisteme social'nogo upravleniya: Dissertaciya ... kand. soc. nauk. M. 116 s.
11. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая. 2017. М.: Издательство «Весь мир». 432 с.
Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraya. 2017. M.: Izdatel'stvo «Ves' mir». 432 s.
12. Социологи ФОМа: Гражданская и политическая активность россиян упала практически до нуля. Доступ: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/09/11/grazhdanskaya-passivnost> (проверено: 22.10.2016).
Sociologi FOMa: Grazhdanskaya i politicheskaya aktivnost' rossiyan upala prakticheski do nulya. Dostup: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/09/11/grazhdanskaya-passivnost> (provereno: 22.10.2016).
13. Ценности россиян - много индивидуализма, мало «ценностей роста». URL. <https://scientificrussia.ru/articles/tsennosti-rossiyan> (дата обращения: 22.01.2017).
Cennosti rossiyan - mnogo individualizma, malo «cennostej rosta». URL. <https://scientificrussia.ru/articles/tsennosti-rossiyan> (data obrashcheniya: 22.01.2017).
14. Шаповал Ж. 2011. Кластерная технология в управлении социальной сферой региона. Диссертация ... канд. соц. наук. Белгород. 227 с.
Shapoval ZH. 2011. Klasternaya tekhnologiya v upravlenii social'noj sferej regiona. Dissertaciya ... kand. soc. nauk. Belgorod. 227 s.